

АНАТОМИЯ НЕВИДИМОГО УБИЙСТВА

Каролина Пол

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Каролина Пол

Анатомия невидимого убийства

<https://litres.ru/74244432>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта история о девушке, которая прячет лицо за масками и шрам на бедре за танцем, и о мужчине, что сначала просто платил большие чаевые, а потом начал строить её жизнь по своим правилам. Тёмная романтика о власти, выживании и выборе между свободой и зависимостью – с сексуальными искрами, психологическими играми и моралью, которая не спасает никого.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Привычка выживать	6
Глава 2. Солнечный зайчик в тёмной комнате	15
Глава 3. Здесь правила Лола	20
Глава 4. День без Лолы	24
Глава 5. Цена прикосновения	31
Глава 6. Анатомия послушания	38
Глава 7. Зеркало с трещинами	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Каролина Пол

Анатомия

невидимого убийства

Пролог

Люди часто думают, что насилие – это крики, шрамы и разбитая посуда. Но самый страшный кошмар всегда начинается с шёпота.

Психологический абюз – это не удар кулаком. Это медленный, ювелирный геноцид твоей личности. Он начинается с ласкового: «Тебе показалось, родная, я этого не говорил». Продолжается фразой: «Ты слишком чувствительная, ты всё придумываешь». А заканчивается всё тем, что ты стоишь посреди комнаты и больше не веришь собственным глазам, своей памяти и своему разуму. Тебя аккуратно, шаг за шагом, лишают права доверять самой себе.

Это удушение тишиной. Это изоляция, когда вокруг тебя методично выжигают всех близких, внушая, что «весь мир против нас, и только я один тебя люблю». Это дрессировка чувством вины, когда ты извиняешься за то, что плачешь, за то, что дышишь, за то, что посмела иметь своё мнение. Ты превращаешься в послушный манекен в его руках, призрака,

который перед каждым шагом мысленно спрашивает у него разрешения. Он забирает твою душу, пережевывает её и заставляя тебя благодарить его за это.

Но тогда, в самом начале, его паутина казалась мне самым безопасным местом на земле.

ВНИМАНИЕ! Книга содержит:

- Психологическое насилие и газлайтинг.
- Одержимость и преследование.
- Нецензурную лексику и откровенные сексуальные сцены (18+).
- Темы психических расстройств и саморазрушения.

Глава 1. Привычка выживать

Камилла была высокой, но хрупкой – так кажутся люди, которые слишком долго учились сжиматься в комок, чтобы не занимать лишнего места в чужом мире. Руки у неё были длинные, с тонкими пальцами, которые она постоянно прятала в рукава свитера, даже летом. Волосы цвета топлёного шоколада, которые она стригла сама, потому что ненавидела, когда чужие руки касались её головы. Глаза — карие, с прозеленью, и в них всегда стояла такая настороженность, будто она ждала, что кто-то вот-вот ударит. Никто не ударял. Но привычка осталась.

Её детство в Орше — это цветные пятна, которые с годами поблёкли, как выцветшая фотография. Мать работала медсестрой в районной поликлинике, пахло йодом, валерианой и яблочными пирогами, которые пекла по воскресеньям. Они жили в хрущёвке на первом этаже, под окнами шумели старые тополя, и мать каждую весну собирала тополиный пух, чтобы набить подушку дочери — говорила, что пух хранит сны и не даёт им улететь. Камила помнила, как мать вела её за руку в парк, как покупала петушка на палочке, как читала на ночь стихи Барто. Всё это оборвалось в один вечер.

Тем вечером они возвращались от бабушки из соседнего посёлка – тёмная трасса, мелкий дождь, фары встречной фуры, которая вылетела на их полосу. Водитель не справился с

управлением, и мать, сидевшая на переднем сиденье, даже не успела вскрикнуть. Камилла, которой тогда только исполнилось семь, сидела сзади — её отбросило, правая нога застряла между смятой дверцей и каркасом сиденья. Осколки стекла и рваный металл вонзился в бедро так глубоко, что было видно кость, когда её вырезали из машины спасатели. Мать погибла мгновенно — позже врачи сказали, что у неё был перелом основания черепа и множественные травмы. Камилла не видела лица матери, потому что её накрыли простыней, но она навсегда запомнила запах бензина, смешанного с кровью, и свой собственный крик, который не могла остановить несколько часов.

В больнице ей наложили сорок два шва. А шрам, оставшийся на внешней стороне бедра — заметная белая полоса, которую она скрывает под одеждой. Это не просто дефект, это напоминание о том, что маленькая девочка выжила там, где не должна была. Она не могла нормально ходить почти три месяца, а когда зажило, каждый раз, касаясь его в душе, чувствовала, как под пальцами поступает холод — точно тот самый металл, что врезался в неё тогда. Иногда, особенно перед дождём, шрам начинал ныть, и она знала: это не фантомная боль, это память тела, которая не желает забывать день, когда она потеряла и мать, и детство одновременно.

После похорон отец замкнулся. Он работал на заводе, но через пол года его уволили за прогулы — он запил так, что перестал просыпаться по утрам. Днём он лежал на диване в гости-

ной, смотрел в потолок и молчал, а ночью ходил по комнате, бормотал о «расплате», о «проклятой фуре». Камилла, которой тогда было восемь, взяла на себя дом училась готовить, стирать, даже пыталась штопать его рубашки. Она быстро стала маленькой взрослой, но внутри осталась всё той же девочкой, которая ждала, что мама вернётся и перевяжет её шрам также нежно, как тогда, пару лет назад – когда Камилла упала с велосипеда. Но мама не возвращалась.

Так прошло 9 лет. Отец, если не пил, то сидел в гараже и перебирал какие-то старые детали, говорил мало и всё больше отворачивался, когда Камилла заходила в комнату. Она научилась не ждать его внимания – оно стало для неё роскошью, которую она больше не могла себе позволить.

В шестнадцать в их доме появилась Ирина. Полная, громкая, с рыжими крашеными волосами и запахом дешёвого табака. Она приехала из другого города, познакомилась с отцом в баре и через месяц перевезла к ним свои сумки, кошек и огромное трюмо*. Ирина сразу начала переставлять мебель – убрала мамин сервант, сняла со стен фотографии, сказала, что «старьё только пыль собирает». Камилла молчала, пока Ирина не решила воспользоваться маминой кружкой – той, с треснувшей ручкой, которую мать любила и не выбрасывала. Камилла выхватила кружку, разбила её об пол и посмотрела на отца. Он стоял в дверях, покрасневши, с бутылкой в руке, и впервые за много лет закричал на нее — так, что стёкла в шкафу задрожали.

«Ты не смеешь портить мою новую жизнь!» — орал он, а Камилла смотрела на его трясущиеся губы и видела чужого человека. Ирину это, кажется, забавляло — она сидела на диване, красила губы помадой и улыбалась, как кошка, которая наконец поймала мышку.

Дом стал постепенно исчезать. Сначала пропали мамины книги — Ирина выбросила их в мусорный контейнер, сказав, что они «никудашные». Потом — старая вышитая скатерть, после — сам запах дома, запах ванили и старого дерева сменился дешёвыми духами и табачным дымом. Камилла перестала чувствовать себя дочерью. Она стала квартиранткой, которую терпят лишь до поры. Однажды она услышала, как Ирина говорит по телефону: «Эта девка ходит как приведение, шрам у неё на ноге — гадость, отец её даже не замечает». Камилла тогда заперлась в ванной, долго смотрела на своё бедро, проводила пальцем по белой полосе, и впервые подумала: может она и правда призрак — призрак той девочки, которая погибла вместе с матерью в тот вечер на трассе.

В семнадцать, сразу после выпускного, она собрала рюкзак, взяла деньги, которые мать оставила на сберегательной книжке, и уехала в Минск. Отец не вышел её провожать — он спал в гараже, пьяный. Ирина стояла на пороге, курила, листала телефон, и когда автобус тронулся, Камилла даже не обернулась. Она знала: этот дом больше не её.

Минск встретил её в конце июня — липким зноем, запахом асфальта и цветущих лип, от которых кружилась голова.

Она вышла из автобуса на Центральном автовокзале с одним рюкзаком за плечами и папкой с документами, которую прижимала к груди, как спасательный круг. В папке лежали аттестат, три фотографии, копия свидетельства о смерти матери и справка о том, что она — сирота при живом отце. Эта бумага давала ей право на небольшую льготу при поступлении, но она всё равно боялась, что её не возьмут — слишком много умных, слишком много с деньгами.

Первые две недели она жила в гостинице на окраине, где за койку брали десять белорусских рублей в сутки. Там пахло чужими носками и варёной картошкой, а по ночам храпели дальнобойщики. Она встала в шесть утра, ехала в университет, стояла в очередях у приёмной комиссии, подавала документы на психологический факультет. Их приняли, но сказали: «Вступительные экзамены в середине июля, ждите». Ждать было не на что — деньги, которые оставила мать, почти закончились, их хватило на гостиницу и самую дешёвую еду из магазина: гречку, хлеб и тушёнку, которую она ела холодной, потому что микроволновки не было.

Она попыталась найти работу. Разносила флаеры в плотной толстовке под палящим солнцем, потому что летней одежды у неё не было — она выросла из неё несколько лет назад, а денег на новую не было. Ей платили копейки: двадцать белорусских рублей за день. Через неделю она поняла: если так пойдёт дальше, она не протянет до сентября, когда начнутся занятия и, возможно, дадут стипендию. Устро-

илаась в кафе мыть полы, но её уволили через три дня, потому что она случайно разбила чашку. Искать работу оказалось сложнее, чем она думала: никто не хотел брать семнадцатилетнюю девушку, ещё не поступившую в вуз. В конце июня, в день, когда она похудела ещё на пару килограммов, она стояла у доски объявлений и вглядывалась в пёструю россыпь бумажек. И там, среди объявлений «Сдам комнату» и «Продам котёнка», она увидела чёрную визитку с золотыми буквами: «Ночной клуб „Eclipse“*** приглашает танцовщиц. Оплата — от 1500 бел. руб***. Гибкий график». Никакого адреса, только телефон. Она перечитала объявление пять раз и всё не решалась позвонить: ей казалось, что мир разделился на две половины — ту, где она студентка-психолог, и ту, куда нельзя заходить, если хочешь потом смотреть на себя в зеркало. Но зеркало в гостинице было треснутое. В нём она не видела своё отражение.

Она позвонила вечером того же дня. Голос в трубке был женским, спокойным, без тени удивления: «Приходи завтра в девять вечера в клуб „Eclipse“, адрес пробьёшь по картам, он один в городе с таким названием. С собой ничего не бери, будь в обуви на каблуках, если есть. Посмотрим, что ты умеешь». Камилла не умела ничего, но она взяла с собой последние деньги — пятьдесят рублей, — и купила босоножки на шпильке в секонд-хенде за тридцать.

В клубе было душно, пахло табаком и парфюмом, а на сцене в свете софитов изгибалась девушка в красных перьях.

Администраторша Роза — высокая, с короткой стрижкой и лицом, которое не выдавало возраста, — окинула Камиллу долгим взглядом, задержалась на ногах, на худых запястьях.

— Ты тощая, — сказала она без жестокости, скорее констатируя факт. — Но ноги длинные, руки гибкие. Глаза испуганные, но это лечится сценой. Снимай штаны, я посмотрю, есть ли у тебя татуировки.

Камилла внутренне сжалась, но послушно спустила джинсы.

— Чистая, это хорошо. Завтра на пробный выход. Танцевать ты, вряд ли, умеешь, но научим. Тут не балет, тут пластика и наглость. Будешь работать в маске — у нас так принято, и клиентам нравится тайна. Псевдоним придумаешь сама.

На следующий день она вышла на сцену в чёрной полумаске, усыпанной блёстками. Музыка была медленной, тягучей, и она двигалась почти вслепую: смотрела в потолок, в зеркальные шары, но только не в лица мужчин за столиками. Её тело слушалось плохо, она была деревянной, но Роза потом сказала: «Ты держалась, это главное. Завтра — вторая смена. Работаем над раскрепощением». К концу первой недели Камилла научилась отключаться: она не чувствовала ни стыда, ни страха, только пустоту, которая заполнялась музыкой и светом. Маска стала её защитой — под ней она могла быть кем угодно, только не собой. Она взяла псевдоним «Лола», сама не зная, почему именно оно, просто это

было первое, что пришло ей в голову. Деньги пошли сразу: первую зарплату (восемьсот бел. руб.) она получила через десять дней, и это были огромные для неё деньги. Она сняла маленькую студию на окраине, купила себе нормальную еду, летнюю одежду, туалетные принадлежности, зимнюю куртку — хотя на улице была жара, она знала, что дёшево её можно купить только летом. Она перестала ходить пешком через полгорода, начала ездить на метро и впервые за долгое время не боялась завтрашнего дня.

Но самое радостное событие произошло через месяц: она сдала вступительные экзамены и поступила на психологический факультет. Когда ей объявили, что она студентка, она расплакалась в коридоре приёмной комиссии — от счастья, от усталости, от того, что ей удалось совместить два мира. Днём она ходила на лекции по общей психологии, слушала про бессознательные и защитные механизмы, а ночью выходила на сцену в маске. Ей казалось, что она изучает саму себя — и чем дальше, тем больше она понимала, что маска на лице и маски, которые она носила в детстве в Орше, — одно и то же. Просто теперь за них платили деньги. И она могла позволить себе жить, а не выживать.

Шрам на бедре она уже не пыталась прятать под колготками в сетку и юбками, как прежде. Но иногда, дома, после душа, она садилась на пол, гладила этот шрам и вспоминала мать, думая: «Ты хотела, чтобы я училась, чтобы я была человеком. Я учусь. Я человек. Просто у меня теперь две жиз-

ни. Одна осталась в той машине, вторая — вот она, здесь. И я не дам ей умереть».

* Трюмо (от фр. Trumeau — «простенок, промежуток») — это предмет мебели, представляющий собой высокое зеркало с подзеркальным столиком или шкафчиком.

** Eclipse (англ.) — «затмение». Название подчёркивает ночную, загадочную атмосферу клуба, где реальность словно исчезает во тьме.

*** бел. руб — белорусский рубль (официальная валюта Республики Беларусь).

Глава 2. Солнечный зайчик в тёмной комнате

Камилла

Я любила свой универ не за архитектуру, не за эту пафосную «атмосферу настоящего университета» и уж точно не за пары, которые начинались так рано, будто преподаватели специально хотели проверить, сколько человек вообще способно проснуться до рассвета.

Я любила это место по одной из немногих причин: там меня ждала Кира. Даже если день шёл наперекосяк, даже если после ночной смены в «Eclipse» глаза слипались уже на второй минуте лекции, стоило только увидеть её — и становилось чуть легче. Она влетала в аудиторию, как маленький ураган: рыжие кудряшки цвета раскалённой меди летели во все стороны, веснушки на лице будто вспыхивали, а в тёмнокарих глазах плясали эти её вечные искры. И сразу казалось, что мир не такой уж серый.

Сегодня мы сидели на общей психологии, старательно делали вид, что конспектируем, а на деле делили одну шоколадку и тихо хихикали. Преподаватель, сам того не замечая, уже третий раз повторял одну и ту же фразу, и это было настолько комично, что удержаться было невозможно.

— Если он ещё раз скажет «это важно», я сама себе по-

ставлю зачёт и уйду, — прошептала Кира, едва шевеля губами.

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться в голос.

— Ты не можешь поставить себе зачёт. У тебя почерк такой, что даже ты сама его не разбираешь.

Кира скорчила обиженную гримасу, но в ней не было ни капли настоящей обиды — только весёлое возмущение.

— Это не почерк, это шифр. Защита от преподавателей и таких, как ты. Они видят эти каракули и думают: «Лучше не буду смотреть её работу, вдруг она там проклятье написала».

И тут я всё-таки не выдержала — рассмеялась, тихо, в ладонь, но искренне. И в этот момент мне вдруг стало тепло не от стаканчика с остывшим кофе, не от шоколадки, которую я уплетала между делом, а от того, что рядом есть кто-то, с кем можно быть смешной и нелепой, и это будет в порядке вещей. Кому нужна холодная вечность, когда даже столь короткий миг может подарить столько тепла.

Кира появилась в моей жизни как солнечный зайчик, который вдруг решил поселиться в моей тёмной комнате. Она вечно махала рукой на попытки хоть как-то укротить эту огненную гриву и смеялась: «Это моя львиная грива, пусть живёт». А когда кто-то удивлялся, как она вообще терпит эти кудряшки, пожимала плечами и говорила: «Я робот на батареях, только вместо батареек — шоколад и чужой смех». И смеялась так, что оборачивались даже те, кто сидел в другом конце аудитории.

Она рассказывала мне про свой родной город, Борисов — маленький город под Минском, где друг друга все знали, а единственным развлечением были река и старый кинотеатр. Про отца, который возвращался с завода уставшим и молчаливым, и про маму — учительницу литературы, которая приносила домой пачки сочинений и садилась проверять их до глубокой ночи.

Кира была старшей из троих детей, и с детства привыкла всё тащить на себе: приготовить, убрать, погулять с младшими, а потом ещё и помочь маме с тетрадями. Она делала это не потому, что ей нравилось быть незаменимой, а потому, что казалось: если не она, то кто?

Именно поэтому она и пошла на психфак: хотела научиться различать, где её настоящая забота, а где на неё просто удобно опереться. Хотела понять, как быть рядом и поддерживать, но не становиться для всех «решением чужих проблем». Хотела научиться говорить «сейчас я не могу» и не чувствовать себя при этом предательницей.

Для меня Кира стала первым человеком, с которым не нужно было быть «удобной». С ней можно было молчать, можно было злиться, можно было плакать, если день оказывался слишком тяжёлым. И можно было смеяться над самыми глупыми вещами, зная, что тебя не сочтут странной.

Мы познакомились в первый учебный день — обе опоздали, как будто сама судьба решила свести нас на этой общей неловкости. Я вбежала в аудиторию, когда преподава-

тель уже во всю что-то объяснял, и увидела, что все парты заняты, кроме одной. В тот же момент туда же, тяжело дыша и поправляя рюкзак, влетела эта рыжая, веснушчатая, взъерошенная девушка с таким взглядом, будто хотела сказать: «Я ненавижу опаздывать, но сейчас уже ничего не поделать».

Мы посмотрели друг на друга, одновременно выдохнули и сели рядом.

— Ну вот, — тихо сказала Кира, доставая тетрадь и ручку с таким видом, будто собиралась не лекцию записывать, а подписывать важный документ.

— Теперь мы официально опоздавшие. Надеюсь, он не будет нас отчитывать.

Я слабо улыбнулась.

— Думаю, если мы будем выглядеть достаточно виновато, он нас пожалеет.

— Я не умею выглядеть виноватой, — честно призналась она, поправляя прядь, которая тут же снова упала ей на глаза. — Но могу выглядеть уставшей. Это почти то же самое.

С того дня мы больше не рассаживались по отдельности. Как будто нашли друг в друге что-то своё, родное. И подружился на удивление быстро — так, как бывает только тогда, когда не приходится притворяться.

Однажды я смогла рассказать ей про аварию, про маму, про то, как отец постепенно отдалялся, про переезд в Минск, про «Eclipse» и про то, как мне здесь было одиноко,

Кира не стала сыпать банальными утешениями, не стала

говорить «всё будет хорошо», будто это какая-то волшебная фраза, способная всё исправить. Она просто посидела рядом, молча, потом взяла меня за руку и сказала:

— Если ты не хочешь об этом больше говорить — мы не будем. Но если вдруг захочешь, я тут. И я не буду делать вид, что всё хорошо, если это не так.

Именно тогда я поняла, что это и есть настоящая дружба: когда тебя принимают не только в моменты силы, но и в те минуты, когда ты рассыпаешься на части, и не пытаются склеить тебя наспех, а просто остаются рядом.

После пар мы пошли в наше любимое кафе. Бариста уже знал нас наизусть: мне — бамбл*, Кире — какао, потому что «мне нужно дожить до вечера».

— Слушай, — сказала Кира, помешивая ложечкой сахар, который она всё равно не ела, — сегодня в «Eclipse» у тебя слот в середине вечера. Ты как, готова?

Я пожала плечами.

— Готова настолько, насколько можно быть готовой к тому, что на тебя будут смотреть. Я уже привыкла.

* Bumble — освежающий напиток на основе эспresso и апельсинового сока, часто подаётся со льдом

Глава 3. Здесь правила Лола

Камилла

В «Eclipse» всё было продумано до мелочей: приглушённый свет, тяжёлые бархатные шторы, музыка, которая заставляла кровь бежать быстрее. Клуб пах известью, разлитым джином и разгорячёнными мужскими телами. Здесь люди прятались от реальности, а я пряталась от себя. Для всех Камилла Наумова переставала существовать, как только переступала порог гримерки. Здесь правила Лола. И в этом была своя форма контроля. Пока я танцевала, именно я решала, сколько показать, где остановиться, как уйти со сцены, чтобы никто не успел дотянуться до меня по-настоящему.

Я выходила на сцену и сразу переставала быть собой. Лола двигалась иначе: она двигалась на пилоне плавно, почти лениво, гипнотизируя зал медленными, кошачьими прогибами длинного тела. Двухметровый шест казался игрушкой в её руках. Чулки в сеточку скрывали шрам на внешней стороне правого бедра, но Лола умела делать его частью шоу, заставляя мужчин платить за право просто посмотреть на него.

Я специально оставляла открытой только часть лица — глаза и губы, остальное прятала за маской. Так получалось, что зрители могли додумать всё, что хотели, а настоящую меня никто не видел.

Музыка накрывала волнами, свет скользил по коже, и в

какой-то момент я вообще переставала замечать зал. Оставались только ритм, движения и моё собственное дыхание, которое я училась держать под контролем. Я знала: если я позволю себе хоть на секунду почувствовать, сколько на меня смотрит глаз, я остановлюсь. Поэтому я смотрела сквозь них, поверх них, в точку где-то над дальним столиком, и позволяла телу делать то, чему оно уже давно научилось.

В ту ночь в VIP-ложе было шумно. Валеватый Роман Сергеевич сидел в полумраке глубокого кожаного дивана, закинув ногу на ногу. Его огромная фигура — метр девяносто семь чистых мышц — доминировала над пространством. Рукава его рубашки были закатаны, обнажая черные, плотные татуировки, выползающие из-под ворота на шею и покрывающие руки до самых запястий. Он медленно крутил в пальцах стакан с виски, лед в котором тихо звякал в такт басам.

Рядом с ним его лучший друг, Влад Исаев — сухопарый, циничный парень с вечной ухмылкой на бледном лице и холодными глазами дельца — лениво переговаривался с кем-то из местных авторитетов.

Влад был единственным, кто знал, откуда у Ромы берутся шальные деньги на покупку новых фитнес-центров. Крипта, серые схемы по обналичиванию, транзит запрещённых веществ через подставные склады — Валеватый не брезговал ничем, что пахло быстрой наживой и властью. Но даже Влад не подозревал, какая чёрная гниль медленно разъедает ра-

зум его друга изнутри.

— Посмотри на ту, что на третьем пилоне, — лениво кивнул Влад, затягиваясь сигаретой. — Хороша. Ноги бесконечные.

Рома перевёл взгляд ледяных голубых глаз на сцену. И замер. Он как будто даже перестал дышать. Лола как раз медленно опускалась в глубокий партер, выгибая спину. Её бедра двигались в такт тяжёлому биту. Это не была похоть в чистом виде — это был мгновенный, парализующий укол нарциссической одержимости. Его внутренний зверь, тот самый, что по ночам отзывался на имя Егор, глухо зарычал в глубине подсознания. *«Хочу. Моё»*

— Узнай, кто она, — не оборачиваясь к другу, глухо произнёс Роман. Его голос вибрировал от скрытого напряжения.

— Она не общается с клиентами, Ром. Лола — *местная недотрога*. Танцует, забирает деньги и уходит. Маску не снимает никогда, — хмыкнул Влад.

— Мне плевать.

Камилла

В середине смены я мельком заметила, как администратор - Роза кивнула мне из-за кулис. Такой короткий, почти незаметный жест: «подожди после номера». Я не придавала этому значения. В «Eclipse» вечно что-то случалось: забытый реквизит, перепутанные слоты, чей-то срочный звонок. К концу выступления я уже не думала ни о чём, кроме того, как бы

поскорее снять туфли, которые к этому часу казались свинцовыми, и умыться.

В ту ночь я получила рекордные чаевые. Когда я спустилась со сцены и подошла к Розе, она протянула мне конверт, в котором лежала пачка крупных купюр.

— Тебе. Чаевые. От одного гостя.

Я приподняла брови.

— Кто?

Она пожала плечами.

— Аноним. Сказал, что ты этого заслуживаешь.

Без записки. Без имени. Только холодный, расчетливый жест чужого превосходства.

Я хмыкнула. Сумма внутри была слишком большой, чтобы быть случайной. Кто-то не просто оценил танец — кто-то выделил меня.

Равнодушно скользнув взглядом по деньгам, сунула их в сумку и пошла смывать макияж. Мне было все равно, какой очередной богатый ублюдок решил поиграть в щедрость.

Если бы я тогда знала, к чему это приведёт, я бы встретила этот вечер чемоданом у двери, чтобы уйти в никуда, позволив городу спать, пока я навсегда исчезаю с его карты.

Глава 4. День без Лолы

Камилла

Я проснулась и несколько секунд лежала, не открывая глаз, прислушиваясь к тишине. И тут меня накрыло внезапным облегчением: суббота. Выходной. Никаких смен в «Eclipse», никакой Лолы, никакой необходимости прятать себя поглубже, чтобы чужие взгляды не дотянулись до настоящей меня. Можно просто быть Камиллой.

Сумка, на самом дне которой лежал тот самый конверт, стояла у двери, как всегда. Вчера сначала всё было как обычно: музыка, свет, чужие глаза, а после — администратор кивает из-за кулис, потом протягивает этот конверт: «Тебе. От гостя. Аноним». Я взяла, сунула в сумку, почти не глядя. Сумма была больше обычной — это я успела заметить. Но разбираться, кто и зачем, сил уже не было. Хотелось только снять туфли и просто выдохнуть.

И вот теперь утро. Конверт там. Лежит. И я не знаю, что с этим делать. Не потому что страшно или жутко, а просто... непривычно. Как будто в привычный маршрут вдруг вставили лишнюю остановку, и ты не понимаешь, зачем она тут, но и сойти негде.

— Ладно, — сказала я вслух, будто проверяя, звучит ли это спокойно. — Пусть пока полежит. Сегодня я не хочу про него думать.

Я села на кровати, потянулась, чувствуя, как по спине пробегают приятная волна — будто тело само радовалось, что ему не нужно никуда спешить. На кухне было тихо, и эта тишина казалась почти уютной, а не пустой. Я не стала цепляться за тревожные мысли. Сегодня у меня было право просто выдохнуть.

Телефон пискнул. Кира.

— Я уже у подъезда. Если ты сейчас скажешь «ещё пять минут», я войду сама, потому что у меня есть план, и он не терпит промедления.

Я улыбнулась. По-настоящему, без усилий.

— Какой ещё план?

— План «вытащить тебя из головы и закинуть в жизнь». Одевайся. Через три минуты я звоню в дверь, и если ты не откроешь, я начну петь. А ты знаешь, что я пою так, что голуби с карнизов падают.

Через две минуты я уже стояла в коридоре, натягивая куртку, и смеялась. Кира действительно стояла у двери — покрасневшая от ветра, с двумя бумажными стаканами в руках, будто принесла с собой немного бодрости на двоих.

— Я взяла тебе бамбл, — торжественно объявила она, протягивая стакан. — Только лёд, кофе и сок. Без сиропа, как ты любишь. И да, я стояла над бариста и следила, чтобы он не схитрил и не плеснул туда хоть каплю сладкого. Я смотрела на него так, будто у меня рентгеновское зрение и я вижу каждую молекулу сиропа.

Я взяла стакан, сделала глоток, и внутри что-то щёлкнуло на место. Не «всё хорошо», нет. Просто «сейчас нормально».

— И какая у нас миссия? — спросила я, застёгивая куртку.

Кира хитро прищурилась, её рыжие кудряшки взлетели, как будто даже они хотели участвовать в этом плане.

— Миссия «забыть, что где-то существуют клубы, маски и загадочные конверты». Сегодня мы делаем только то, что не имеет никакого смысла. Только чистое, беспримесное веселье.

Минск в октябре всегда казался мне нарисованным простым карандашом. Серые многоэтажки, серые кроны деревьев, серый асфальт, блестящий от бесконечной измороси. Этот город не пытался кому-то понравиться, и именно за это я его любила. Он был равнодушным, огромным и давал главное — возможность затеряться в толпе.

Мы пошли не спеша, просто по улицам, где субботний город ещё не успел стать шумным. Ветер путался в её огненной гриве, и она каждый раз отмахивалась от него, как от назойливого знакомого:

— Ну всё, хватит! У меня и так тут ураган, не надо помогать!

Я смеялась, и этот смех был таким простым, что мне даже неловко становилось: будто я слишком долго не позволяла себе смеяться вот так, без оглядки.

В какой-то момент мы оказались у маленького парка, где

стояла старая карусель. Она выглядела так, будто её забыли здесь лет десять назад, но всё ещё надеялась, что кто-нибудь придёт и раскрутит её.

— Спорим, она крутится, — заявила Кира, подходя к карусели и хватаясь за поручень.

— Кира, ей лет сто. И она наверняка уже приросла к земле.

— Приросла — не приросла, мы не сдаёмся без боя.

Я покачала головой, но подошла, взялась за другой поручень, и мы вдвоём толкнули. Карусель скрипнула, застонала, будто обиделась, что её разбудили, но... поддалась. Медленно, неохотно, но поехала по кругу.

— Видишь! — радостно крикнула Кира, когда мы сделали первый оборот. — Она живая! Просто ей нужно было, чтобы кто-то в неё поверил.

Мы кружились на ней, пока не закружилась голова, пока смех не стал громче ветра, а весь остальной мир — чуть менее важным. Когда мы, наконец, остановились, то сели прямо на асфальт, смеясь и пытаясь отдышаться.

— Знаешь, что самое классное в таких днях? — сказала Кира, запрокинув голову и глядя в небо, где облака плыли, будто никуда не торопясь. — В такие дни можно быть просто человеком. Просто сидеть, болтать и вообще ни о чём не переживать.

Я кивнула. И в этот момент я вдруг поняла, что правда не думаю про конверт. Не специально, не «запрещая себе»,

а просто потому, что карусель, ветер и Кира вытеснили эту мысль на самый край сознания, где она сидела тихо и не мешала.

Потом мы забрели в маленький магазинчик, где продавали странные вещи: старые открытки, чашки с отбитыми ручками, книги, которые никто не читал, и мягкие игрушки, которые выглядели так, будто их любили слишком сильно. Кира тут же схватила плюшевого енота с одним глазом и заявила:

— Он будет нашим талисманом. Он видел жизнь. Он знает, что бывает тяжело, но всё равно улыбается.

— У него не улыбка, у него перекошенное лицо.

— Тем лучше. Он искренний.

Я рассмеялась, и этот смех снова был таким лёгким.

Мы купили енота, вышли на улицу и пошли дальше, болтая о пустяках: о том, какой странный вкус у нового чая в столовой, о том, что преподаватель по психологии, наверное, и дома повторяет «это важно» своим котам, о том, как смешно выглядит человек, который пытается идти и одновременно пить бамбл, не пролив ни капли. А потом мы оказались у лотка с уличной едой, и Кира заявила:

— Сегодня мы нарушаем все правила. Мы едим то, что вкусно, а не то, что «полезно».

— Но я не ем лук.

— Без лука. Я прослежу. Клянусь своей львиной гривой. В итоге мы ели горячие бутерброды с сыром и грибами,

стоя прямо у лотка, и это было так по-простому, так по-человечески, что я вдруг почувствовала, как с плеч сползает тяжкий груз, которого я даже не замечала.

К вечеру мы вернулись ко мне. Квартира была маленькой, но уютной, и сегодня она ощущалась как крепость: место, куда не дотягиваются чужие взгляды и загадочные конверты.

Кира тут же устроилась на диване, обняв того самого енота.

— Вот теперь я дома, — заявила она, устраиваясь поудобнее. — Сегодня мы устраиваем вечер «ничего не решаем». Будем смотреть что-нибудь глупое, смеяться над самыми плохими шутками и есть то, что хочется.

Мы включили старый комедийный сериал, который оба терпеть не могли, но который почему-то всегда заставлял нас смеяться до слёз. Я сидела, поджав ноги, и впервые за долгое время чувствовала, что мне не нужно никуда спешить, не нужно ни перед кем оправдываться, не нужно быть кем-то, кроме себя.

— Знаешь, — тихо сказала Кира, не отрывая взгляда от экрана, — иногда самое сложное — это позволить себе просто выдохнуть. Не думать, не анализировать, не искать подвох. Просто сказать: «Сегодня я отдыхаю».

Я посмотрела на неё и улыбнулась.

— Спасибо, что вытащила меня.

Кира пожала плечами, но в её глазах было столько тепла, что мне вдруг захотелось плакать — от облегчения, от бла-

годарности, от того, что в этом мире есть кто-то, кто знает, когда нужно просто посидеть рядом.

— Всегда, — просто ответила Кира. — Я всегда буду тем человеком, который приходит с бамблом и тащит тебя крутить старую карусель. Даже если она не крутится. Особенно если она не крутится.

Мы досмотрели серию, потом ещё одну, а потом просто сидели в полумраке, слушая, как за окном шумит город, и, зная, что сегодня нам не нужно ничего бояться.

Когда Кира уснула прямо на диване, свернувшись клубочком и прижав к себе енота, я укрыла её пледом, посидела рядом ещё немного, глядя на её спокойное лицо, и тихо прошептала:

— Спасибо.

Я легла рядом, закрыла глаза и впервые за долгое время уснула без тревожных мыслей, без образов полутёмного зала, без ощущения чужого взгляда. Просто уснула, зная, что рядом есть кто-то свой.

А утром, когда первые лучи солнца пробрались сквозь занавески, я открыла глаза и на секунду забыла обо всём.

Глава 5. Цена прикосновения

Камилла

Выходные с подругой пролетели мгновенно. А за ними пришёл серый понедельник – не помню, как прошёл. Я двинулась на автомате, будто кто-то поставил у меня внутри режим «энергосбережение» и теперь я работала на остатках заряда.

В памяти остались обрывки: скрип мела по доске, запах кофе в аудитории, чьи-то чужие голоса, сливающиеся в ровный гул.

Кира пыталась вытащить меня из этой прострации: подсовывала шоколадку, шептала что-то про преподавателя, который снова перепутал даты, рассказывала про младших братьев, которые устроили дома мини-революцию против уборки. Я кивала, слушала, иногда даже вставляла пару слов, но всё это было как через толстое стекло. Реальность казалась приглушённой, будто кто-то убавил яркость. Я чувствовала себя отвратительной подругой. Обязательно нужно будет отплатить ей чем-нибудь хорошим.

После — снова дорога в клуб, где реальность становилась чуть более резкой, но при этом какой-то ненастоящей, будто я смотрю на всё это со стороны.

Кое-как я добралась до дома вечером. Сил не осталось даже на то, чтобы снять уличную одежду. Я просто упала на

кровать, уткнулась лицом в подушку и провалилась в сон – тяжёлый, без сновидений, такой, когда утром не сразу понимаешь, где ты.

Вторник начался так, будто кто-то наконец-то убавил громкость у этого бесконечного шума в голове. Я проснулась чуть раньше обычного, и вместо того, чтобы лежать, пялясь в потолок, я вдруг поймала себя на мысли, что хочу сделать что-нибудь приятное.

И я сделала. Забежала в нашу любимую кофейню – ту самую, где бариста уже узнавал меня по походке. Взяла бамбл – как я люблю и какао для Киры. Хотелось порадовать её хоть немного – так же, как она каждый день радует меня.

Когда я вошла в аудиторию, Кира уже сидела на нашем месте, листала конспект и одновременно пыталась укротить свои кудряшки – безуспешно, конечно.

— Это мне?

Я на секунду выдержала паузу, а потом нарочно сказала с самым серьёзным видом:

— Нет, я себе два купила.

Кира посмотрела на меня широко распахнутыми глазами, в которых мелькнуло сначала недоумение, а потом – обида, тут же сменившаяся весёлым возмущением.

Я не выдержала и рассмеялась в голос.

— Ну конечно тебе! – сказала я, всё ещё хихикая.

Кира фыркнула, но тут же расплылась в улыбке.

— Очень смешно, – пробормотала она, закатывая глаза.

— Ты чудо, — выдохнула она, обхватив стаканчик обеими руками. — Я сегодня вообще не выпалась. Меня как будто собрали и принесли.

— Тогда будем держаться друг за друга, чтобы не упасть.

Пары шли, на удивление, легко. На этот раз я не просто кивала и улыбалась, когда Кира пыталась меня развеселить. Сегодня я сама искала поводы для смеха. Когда преподаватель в третий раз повторил одну и ту же фразу, я наклонилась к Кире и прошептала:

— Вот увидишь, если он ещё раз скажет «обратите внимание», я сама обращаю на него внимание — в виде записки «мы уже обратили».

Кира сдавленно хрюкнула, тут же зажала рот обеими руками, но из груди всё равно рвался смех. Она смотрела на меня так, будто хотела одновременно и убить, и обнять.

— Ты невозможная, — прошептала она, вытирая выступившие от смеха слёзы. — Если меня выгонят с пары, это будет на своей совести.

— Зато уйдёшь с улыбкой, — подмигнула я.

На перерыве мы вышли в коридор, где было чуть тише и можно было уже не прятать смех. Кира прислонилась к стене и выдохнула:

— У меня пресс болит от смеха. Серьёзно. Я не помню, когда последний раз так хохотала.

— Значит, моя миссия выполнена. Держи ещё одну, чтобы эффект не пропадал. Знаешь, как называется суп из одной

рыбы? – я сделала театральную паузу.

— Ну, не тяни.

— Уха. А как из большого количества рыб? – я широко улыбнулась. – Уха-ха-ха-ха!

Кира на секунду замерла, а потом расхохоталась так громко, что несколько ребят из соседней группы обернулись.

— Боже, это ужасно, — сквозь смех выдавила она. — Самая плохая шутка, которую я слышала за всю жизнь.

— Именно поэтому она обязана была прозвучать, — важно кивнула я. — Чтобы день не был сильно серьёзным.

После пар мы не пошли в кафе – вместо этого просто пошли гулять. Шли по улицам Минска, не выбирая маршрута, сворачивали туда, куда хотелось в эту минуту. Болтали обо всём и ни о чём.

Ветер трепал её кудряшки, а я ловила себя на мысли, что впервые за долгое время не считаю минуты до конца дня. Сегодня я не просто держалась на плаву – я сама кого-то держала. И от этого становилось чуть легче дышать.

Но день не может длиться вечно. Солнце медленно сползало к горизонту, тени становились длиннее, а в груди снова появлялось это привычное, тяжёлое предчувствие. Время поджимало.

— Мне пора, — сказала я, когда мы дошли до перекрёстка, где наши пути расходились: её – к дому, мой – к клубу.

— Если будет тяжело, — тихо сказала она, — просто позвони. Даже если нельзя будет говорить. Просто позвони, и

я буду сидеть на линии и дышать. Ладно?

Я кивнула. Не потому что верила, что позвоню, а потому что от самой возможности становилось чуть легче.

Я пришла в «Eclipse» как обычно: через чёрный ход, мимо охранника, который кивнул мне так, будто мы с ним сто лет знакомы, хотя я не знала ни его имени, ни истории его жизни.

Всё шло по накатанной: гримёрка, костюм, маска. Роза поймала меня у двери в зал и, не глядя в глаза, тихо сказала: — Сегодня у тебя приват в VIP-кабинке.

Внутри всё сжалось, как от удара.

— Я не брала приваты, — ответила я ровно, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Ты же знаешь.

Она поморщилась, будто ей самой было неловко.

— Знаю. Но это важный гость. Он захотел именно тебя. Я честно предлагала ему других, но он стоял на своём. Для клуба это важно. Рейтинг, репутация... Ты понимаешь.

Я понимала. Слишком хорошо. В «Eclipse» не спрашивают, хочешь ли ты. Здесь говорят: «надо». И ты киваешь, потому что иначе не будет денег, а деньги нужны. Всегда.

— Ладно, — выдохнула я, стараясь не выдать, как внутри всё дрожит. — Где?

— Кабинка шесть. Он уже там.

В клубе было душно, но в VIP-кабинке для частных танцев пахло прохладой и кожей. Я вошла туда, мягко ступая на высоких каблуках. На мне было тонкое бельё и маска

из чёрного кружева, скрывающая верхнюю половину лица.

Мужчина сидел на низком диване. В полумраке его лица не было видно, да и меня это не сильно интересовало, фигура казалась пугающе огромной, плечи загораживали свет от настенного бра. Когда я приблизилась, он не сделал ни единого движения, лишь его голубые глаза, казавшиеся в темноте фосфоресцирующими, впились в моё лицо.

Я начала танец. Музыка лилась медленно, утягивая в транс. Повернувшись спиной, скользнула ладонями по его коленям, чувствуя под пальцами жёсткую ткань брюк и стальное напряжение его мышц. Этот мужчина пугал своим спокойствием — он не пытался схватить за бедра, как делали другие, он просто впитывал меня взглядом.

Я повернулась, медленно приподнимая край полупрозрачной накидки, и в этот момент тусклый свет бра упал на моё правое бедро.

Белый, рваный шрам. Он резко выделялся на фоне моей нежной кожи.

Зрачки Ромы мгновенно расширились. Он подался вперед, его тяжёлое дыхание коснулось её живота. Этот шрам... он делал её несовершенной для всего мира, но идеальной для *него*. Сломанная игрушка. Её нужно было забрать, подчинить, спрятать от чужих глаз.

Камилла

Он медленно протянул руку, покрытую татуировками, и кончиками пальцев, едва касаясь, провёл по шраму. Я вздрогнула от этого прикосновения — оно было странным, не похотливым, а каким-то... исследовательским. Словно патологоанатом изучал надрез.

— Красиво, — тихо, почти ласково произнёс он.

Его голос обволакивал, проникал под кожу, вызывая лёгкую дрожь отвращения и странного предчувствия.

Я отстранилась, завершая танец. Мужчина поднялся, молча положил на столик стопку денег, превышающую стоимость привата раз в пять, и вышел, оставив после себя шлейф дорогого парфюма и едва уловимый запах табака.

Я осталась стоять в пустой кабинке, посмотрела на деньги, затем на зашторенную дверь. Сердце почему-то стучало слишком быстро.

— Псих, — пробурчала я себе под нос, как будто боясь, что кто-то может услышать.

Мой взгляд упал на стол. Меня насторожила сумма, которую он оставил. Это же не он анонимно передавал конверт? Нет... Нет-нет-нет. Это просто моя паранойя. Совпадение. Так же бывает? Это просто очередной мажорчик, который раскидывается деньгами своего папаши. Буду считать, что это просто удача, не хочу всё усложнять. Нужно просто радоваться деньгам. Да, так и сделаю.

Глава 6. Анатомия послушания

Камилла

Проснулась я на следующий день не от будильника, а от того, что солнце настойчиво лезло в глаза сквозь щель в шторах. Я потянулась, зевнула, пару секунд полежала, собираясь с мыслями, а потом всё-таки сползла с кровати.

На парах почти ничего не запомнила – да и не старалась. Сидела рядом с Кирой, слушала её шёпот и что-то отвечала. В тетради снова появились скорее узоры и мелкие зарисовки, чем конспект, но мне было нормально. Главное – рядом была Кира, и от этого даже самые скучные лекции звучали не так угнетающе.

После пар я вдруг поймала себя на мысли, что не хочу просто идти домой или снова гулять по улицам. Хотелось чего-то другого – выплеснуть накопившееся, почувствовать, как тело реально работает, а не просто механически представляет ноги.

Ещё и пара по физкультуре отменилась: прямо перед занятием преподавателя вызвали в деканат. Мы так и просидели всю пару в раздевалке – кто-то шептался о чём-то своём, кто-то листал ленту в телефоне, а я просто смотрела на свои кроссовки и чувствовала, как внутри растёт это неприятное ощущение пустоты: будто у меня отобрали тот самый способ вернуть себе равновесие.

Я стараюсь ходить в тренажёрный зал два раза в неделю – это мой тихий ритуал, мой способ собирать себя по кусочкам после тяжёлых дней.

Спортивные вещи были с собой, так что не придётся тратить время, чтобы заходить домой.

Дорога до старого спортивного зала «PRIDE»* занимала около двадцати минут пешком через тихие дворы сталинской застройки. Этот зал располагался на цокольном этаже старого серого здания - бывшего дома культуры. Я любила этот маршрут, он успокаивал: знакомые трещины на асфальте, старая голубятня во дворе, неизменный запах сырой листвы.

Я подошла к знакомому крыльцу, обитому потемневшим от влаги деревом. Но что-то было не так. В маленьком подвальном окошке, где обычно горел тусклый жёлтый свет, было темно.

Я спустилась по крутым бетонным ступеням. Тяжёлая железная дверь, всегда гостеприимно приоткрытая, оказалась наглухо закрыта. На ней висел огромный, новенький навесной замок, холодно поблёскивающий в полумраке тамбура.

Прямо над замком, скотчем к ржавому металлу, был прикреплен чистый лист бумаги формата А4. На нём аккуратным, ровным печатным шрифтом было выведено:

«Уважаемые посетители! Спортивный зал «PRIDE» закрыт в связи с аварийным состоянием несущих конструкций здания. Деятельность учреждения прекращена оконча-

тельно. Приносим свои извинения за неудобства.

Администрация»

Я замерла, глядя на ровные буквы. Внутри словно оборвалась какая-то важная струна. На мгновение показалось, что воздух вокруг стал холодным и плотным, как вода.

Я протянула руку и коснулась пальцами бумажного листа. Клейкая лента была свежей, на ней даже не успела осесть пыль.

Закрыт. Навсегда. Тихое убежище, единственный безопасный уголок в этом огромном чужом городе просто стёрли с карты. Я стояла в тёмном тамбуре, чувствуя, как привычное, выверенное до мелочей равновесие моей жизни начинает медленно, но необратимо рушиться.

Тогда я ещё не знала, что этот аккуратный листок бумаги был написан той же рукой**, что и оставила мне дважды огромные чаевые в клубе.

Отлично, — с сарказмом пробормотала она под нос, натягивая капюшон глубже.

Камилла не могла знать, что за одно утро её любимый зал был закрыт и за этим стоял Роман Валеватый, Ему не нужен был этот зал. Роме нужно было, чтобы Камилла осталась без своего убежища. Лишить жертву привычных ориентиров — первый пункт в его инструкции по приручению.

Уже через сорок минут Камилла стояла перед стеклянными дверями нового фитнес-центра «Арех»***, который от-

крылся всего в двух кварталах от её дома. Это было пафосное, дорогое место. Огромные панорамные окна, матовый чёрный пластик, неоновая подсветка и глухой, ритмичный стук басов, пробивающихся даже сквозь толстые стёкла. Она поморщилась. Ей не нравились такие места — слишком много зеркал, слишком много людей, готовых оценивать каждый твой шаг. Но выбора не было: запускать физическую форму перед сессией и ночными сменами она больше не могла.

Камилла толкнула дверь. В нос ударил запах дорогого парфюма, новой резины и свежего ремонта. Народу почти не было. Она быстро переделалась в чёрные спортивные шорты и свободную футболку, стараясь не смотреть на своё отражение. Натянула повыше гетры, чтобы скрыть белый рваный шрам на правом бедре.

В пустом зале Камила сразу направилась к силовой раме. Физическая нагрузка была нужна ей как воздух — смыть липкое ощущение от вчерашней ночной смены в «Eclipse». Навесив на гриф два тяжёлых блина, она сделала глубокий вдох, подлезла под снаряд и сняла штангу со стоек.

Она сделала первый присед. Тяжело. Второй. Мышцы натянулись, футболка задралась, обнажая бедро.

— Позвольте, я подстрахую.

Голос раздался за спиной так внезапно, что Камила едва не потеряла равновесие. Он был низким, бархатным, глубоким баритоном, который мягко вибрировал в грудной клетке.

Она резко вернула штангу на стойки и обернулась, готовая высказать всё, что думает о нарушении личных границ. Но слова застряли у неё в горле. Перед ней стоял мужчина невероятных размеров. Русский короткий кроп, холодные голубые глаза и... невероятно тёплая, заботливая улыбка на красивом лице.

— Извините, если напугал, — он сделал шаг назад, примирительно приподняв огромные ладони. — Я Роман, владелец этого зала. Просто заметил, что на приседе у вас правая нога немного заваливается внутрь. Бережёте её подосзательно после старой травмы?

Камилла поспешно одёрнула шорты, скрывая шрам, но Роман даже не посмотрел вниз. Он смотрел ей прямо в глаза — открыто, вежливо и профессионально.

— Да, старая травма. Я справлюсь сама, спасибо, — сухо ответила она, пытаясь вернуть самообладание.

— Как скажете. Но вешать такой вес без страховки — это преступление против собственных коленей, — он не уходил, но и не давил. От него исходило странное, убаюкивающее тепло. — Давайте я просто постою сзади. Обещаю не трогать штангу, если сами не попросите.

Камилла колебалась. Его забота казалась искренней, а профессиональный взгляд подкупал. Она молча кивнула и снова подошла к грифу.

Роман встал сзади. Камилла сняла вес и начала медленно опускаться вниз.

И в эту секунду её мир перевернулся.

Когда Роман наклонился вместе с ней, контролируя её движения, его тело оказалось слишком близко. До её рецепторов донёсся его запах. Это не был обычный запах пота или дешёвого дезодоранта. Это был очень дорогой, редкий парфюм с нотами влажного дерева, серой амбры и... едва уловимый, вьёвшийся в кожу шлейф дорогого трубочного табака.

Точно такой же запах душил её вчера в тёмной VIP-кабинке «Eclipse».

Камилла замерла в нижней точке приседа. Сердце испуганной птицей ударилось о рёбра. Этот запах. Этот невероятный, пугающий рост. Эти огромные руки с татуировками, которые сейчас висели в сантиметре от её талии... *Это он.*

Тот самый молчаливый клиент из приватной комнаты, который не спускал с неё глаз. Тот, кто коснулся её шрама своими горячими пальцами. Тот, кто оставил ей баснословные чаевые.

Штанга начала давить на плечи с удвоенной силой. Ноги задрожали. Роман мгновенно среагировал — его огромные ладони мягко, но железно легли ей на талию, помогая подняться и вернуть гриф на стойки. Его прикосновение через тонкую ткань футболки показалось ей обжигающим.

— Всё хорошо? — тихо спросил он, заглядывая ей в лицо. В его голубых глазах было только чистое, невинное беспокойство. Никакой пошлости. Никакой искры узнавания. Он смотрел на неё так, словно видел впервые в жизни. — Вы

резко побледнели. Давление упало?

Камилла сделала шаг назад, практически вырываясь из его рук. Её дыхание было рваным. Она смотрела на этого улыбающегося гиганта и не верила собственным глазам.

Он не мог её узнать. На ней вчера была плотная кружевная маска и яркий макияж. Лола и Камилла — две разные все-ленные. Только если он не увидел её шрам, пока она приседала... В голове крутились масса вопросов: Почему он здесь? Почему именно в его зале она оказалась? Опять совпадение? Нет, больше в это не поверю...

— Мне... мне нужно выйти. Свежий воздух, — выдавила она из себя, пятясь назад.

— Конечно. Идите в холл, я попрошу администратора сделать вам сладкий чай, — ласково ответил Роман, провожая её обеспокоенным взглядом. — Берегите себя, Камилла.

Она развернулась и почти бегом бросилась в раздевалку.

Роман остался стоять у силовой рамы. Его добрая, заботливая улыбка медленно, как сползающая маска, исчезла с лица. Голубые глаза потемнели, став почти чёрными. Он поднёс к лицу ладонь, которой только что держал её за талию, и медленно, с наслаждением вдохнул запах её кожи, оставшийся на его пальцах.

В его голове Егор довольно рассмеялся.

"Она поняла. Моя умная девочка всё поняла. Игра становится только интереснее".

* Pride (англ.) – гордость.

** «той же рукой» - речь о единстве воли, а не почерке.

*** Арех (англ.)-Вершина

Глава 7. Зеркало с трещинами

Роман

Я вырос в доме, где деньги заменяли почти всё.

Они не приносили счастья, но отлично справлялись с ролью стен. За высокими воротами нашего особняка никто не слышал, как отец разговаривает с матерью. Никто не видел, как она часами сидит на краю кровати, сцепив пальцы, и смотря в одну точку. Никто не знал, что за дорогим фасадом, мраморными лестницами и картинами в тяжёлых рамках наша семья давно престала быть семьёй. Отец любил говорить, что мы живем лучше остальных.

Мне было двенадцать, когда всё началось. Отец тогда только купил новый «джип» и устроил «семейный выезд» на дачу. На самом деле это означало, что отец хотел показать соседям, какой он успешный, а мать должна была улыбаться и подавать чай в тех самых чашках, которые нельзя мыть в посудомойке. Рома сидел на заднем сиденье, смотрел в окно и думал, что если он прямо сейчас откроет дверь и выпрыгнет на ходу, никто не заметит, пока машина не остановится.

И тут он услышал: *«Да не сиди ты как побитая собака. Скажи ему, что тебе жарко. Что ты хочешь окно открыть. Он не бог, чтобы решать за всех».*

Голос был не его. Он был ниже, жестче, увереннее. И самое странное – он звучал не снаружи, а прямо в голове. Я

обернулся, будто кто-то стоял у меня за плечом. В машине были только родители. Мать смотрела в телефон, отец что-то говорил про ставки и курсы валют.

«Ну? Чего ждёшь? Или ты и дальше будешь терпеть?».

И я сказал. Впервые в жизни.

— Мне жарко. Можно открыть окно?

Отец резко обернулся, глаза потемнели.

— Молчи. Тебе слово не давали.

Мать даже не подняла головы.

А голос внутри хмыкнул: *«Вот видишь, они не уважают слабых. Значит, не будь слабым».*

Второй раз я услышал его, когда мне было четырнадцать. Это случилось в одной из комнат нашего минского особняка, где стены были слишком толстыми, чтобы пропускать звуки, но слишком тонкими, чтобы заглушить то, что происходило между родителями. Отец, надменный, с вечно холодным взглядом. На этот раз повышал голос на мать. Она, как обычно стояла молча, опустив голову, словно ожившая статуя. В её тишине я чувствовал собственное бессилие.

Тогда, в этой звенящей пустоте, внутри моей головы раздался другой голос и это был не тихий шёпот. Он был глухим, рычащим, словно зверь, запертый в клетке моего черепа.

«Смотри, Рома – прорычал он. – Она ничтожество, а он – насильник. Ты такой же слабый, как она. Ты позволяешь им это делать. Ударь их. Сломай их. Покажи, кто здесь будет».

решать».

— Кто ты?

Несколько секунд ничего не происходило, потом голос ответил.

«Егор».

Имя пришло сразу. Я не выбирал его и не придумывал. Оно просто возникло внутри, будто всегда там было.

«Я тот, кто говорит то, о чём ты даже боишься думать».

Я замер, мои ладони вспотели. Это был не мой голос. Он был чужим, но я чувствовал, как в нём закипает моя собственная, подавленная ярость. Он был моим отражением, моим зверем. Егор был агрессивен с самого начала.

— -----

Я рассказал родителям о нём через несколько недель.

Сначала пытался убедить себя, что всё исчезнет само. Егор появлялся не постоянно. Иногда его голос звучал едва слышно, как раздражённая мысль на краю сознания. Иногда он становился настолько близким, что я чувствовал его злость в собственном теле.

Он комментировал всё.

Когда я пытался делать вид, что наша семья нормальная, Егор шептал, что я такой же лицемер, как отец.

Сначала я спорил с ним.

— Ты не прав.

«Я всегда прав».

— Ты просто злишься.

«Злость – единственное чувство, которое у нас осталось».

— Ты не настоящий!

После этого он замолчал на несколько часов. А затем ответил:

«Тогда почему тебе страшно, что я исчезну?».

Я не знал.

Наверное, потому что Егор был единственным, кто никогда не делал вид, будто всё хорошо. Он не утешал меня и не говорил, что я преувеличиваю. Он просто называл вещи своими именами – пусть жестко, местами неправильно, но честно.

Когда мне было пятнадцать, я однажды проснулся на полу в гостиной. На косяшках была кровь. Передо мной лежала разбитая рамка семейной фотографии. Я ничего не помнил.

Отец стоял у окна и смотрел на меня с таким выражением, будто я был не сыном, а опасной вещью, которую он случайно купил.

— Это ты сделал?

Я посмотрел на руку.

— Не знаю.

— Не знаешь?

Мать стояла у двери. Она смотрела на кровь, но ничего не сказала.

Егор появился почти сразу.

«Скажи ему, что я. Скажи. Пусть впервые испугается».

— Я не знаю, что произошло, — повторил я.

Отец подошёл ближе.

— Ты становишься ненормальным.

Егор засмеялся.

«А ты только сейчас заметил?».

Отец схватил меня за подбородок и заставил поднять голову. Я почувствовал, как внутри меня поднимается чужая ярость. Она было плотной, горячей, почти физической.

«Ударь его».

Я не ударил.

Но впервые отец отступил сам. Наверное, он увидел в моих глазах не меня.

— -----

Мой диагноз – диссоциативное расстройство идентичности* – был вынесен спустя несколько месяцев спустя этого случая. Лучшие психиатры Минска, которых наняли мои богатые родители, быстро поставили «точку»: «Глубокая травма, вызванная хроническим стрессом в семье. Психика расщепилось, чтобы защитить себя».

Мне назначили таблетки. Горсть белых, похожих друг на друга, пилюль трижды в день. Они должны были снизить тревожность, другие — стабилизировать настроение, третьи – помочь со сном. Они делали меня ватным, медленным, подавляли волю.

Голова была тяжёлой. Эмоции стали тусклыми. Я мог

смотреть на мать, когда отец снова унижал её, и ничего не чувствовать. Ни злости, ни боли. Только отдалённый шум, похожий на искажённую радиоволну.

Егор тоже стал тише. Сначала мне казалось, что он исчез. Я сидел на кровати и ждал его голоса.

— Егор?

Ответа не было.

— Ты здесь?

Тишина.

Я улыбнулся. Впервые за долгое время искренне.

— Наконец-то.

Через несколько минут он прошептал:

«Я никуда не ушёл».

Я замер.

«Просто теперь говорю тише».

Я очень быстро понял, что если родители узнают, что он всё ещё здесь, меня запрут. Не в больницу. В одну из наших семейных винниц**. И я начал прятать его. Продолжал принимать таблетки и делать вид, что лечение помогает полностью. На сеансах повторял то, что хотели услышать родители:

— Голоса больше нет.

— Провалов в памяти нет.

— Я сплю нормально.

— Я спокоен.

Психиатр иногда смотрел на меня слишком внимательно, но не мог знать, что Егор находился рядом всё это время.

Он наблюдал. Запоминал. Ждал.

Я научился скрывать его присутствие. Научился отвечать за двоих. Научился улыбаться тогда, когда внутри меня кто-то царапал стену.

Родителям было достаточно того, что я больше не создавал проблем.

А мы с Егором остались вдвоём.

— -----

Мой единственный способ поддерживать связь с Егором, понимать, что происходит в моменты «отключения», стал дневник. Отец подарил мне его на семнадцатилетие. Чёрная кожа, металлическая застёжка, плотная бумага. Он сказал, что солидному человеку нужно уметь записывать планы.

И этот дневник стал нашим общим миром, полем боя, нашим мостом. Мой подчерк всегда был идеальным. Ровный, аккуратные буквы, выверенные до последнего штриха. Мой раздел дневника – это факты. Логика. Планы. Я начал писать в него из скуки. Сначала только даты и короткие фразы.

3 марта.

Сегодня отец вернулся в плохом настроении. Мать почти весь вечер не выходила из спальни. Егор не говорил.

9 марта.

Отец сказал матери, что без него она никто. Она ответила, что понимает. Только я не понимаю, как можно произнести такие слова и остаться живой. Егор смеялся почти час.

Я оставлял дневник на столе, а утром находил новые страницы. Сначала мне казалось, что кто-то из домашних взял его в руки. Потом я узнал этот подчерк.

Он был совсем другим.

Если мои буквы стояли ровно, одинаково, с аккуратными промежутками, то подчерк Егора рвался вперёд, будто каждая строчка не успевала за мыслями. Каждое слово будто выцарапана острым предметом, чернила размазаны, слова не ровные. Он сильно довил на ручку, иногда протыкал бумагу, перечёркивал слова до тех пор, пока они не превращались в чёрные пятна.

Его первая запись появилась без даты:

Ты опять написал, что всё будет хорошо. Не пиши эту ложь, ничего хорошего не будет. Отец – трус в дорогом костюме. Мать – тень, которая сама согласилась исчезнуть. А ты – их удобный мальчик.

Я ответил ниже:

Я не хочу обсуждать родителей в таком тоне.

Егор написал через несколько строк:

А в каком тоне их обсуждать? В благодарном? За что благодарить? За то, что он учит нас бояться, а она учит молчать?

Я долго смотрел на эти слова.

Они всё-таки наши родители.

Ответ появился на следующей странице:

И что? Кровь не делает людей семьёй. Иногда кровь

– это просто доказательство того, что тебя когда-то привезли в этот дом.

После этого дневник стал нашим способом разговаривать. Я писал утром – Егор отвечал ночью. Иногда он оставлял короткие фразы:

Не спи с открытой дверью.

Отец снова врёт.

Мать слышит всё. Она просто делает вид, что нет.

Ты сегодня опять испугался. Я видел.

Иногда страницы заполнялись целыми монологами.

Ты думаешь, я появился, потому что мы слабые? Нет. Я появился, потому что ты не мог позволить себе злиться. Кто-то должен быть злиться за тебя. Кто-то должен был говорить, когда ты молчал. Кто-то должен был помнить, каким мерзким бывает этот дом.

Я не соглашался.

Но и не мог сказать, что он полностью не прав.

Годы шли.

Я научился быть Романом в обществе: спокойным, уверенным, вежливым. Я научился улыбаться людям, которые мне не нравились, и пожимать руки тем, кого презирал. Я освоил бизнес, деньги, переговоры. Мне нравилось, что цифры не требуют сочувствия. Они либо сходятся, либо нет.

Егор существовал рядом.

Он не появлялся каждый день. Но я чувствовал его присутствие в периоды усталости, ярости и бессонницы. Иногда

он оставлял после себя разбитые вещи. Иногда – чужие номера в телефоне. Иногда – провалы в памяти, которые я пытался заполнить по дневнику.

А дневник постепенно превратился в единственный честный документ нашей жизни.

Я писал:

Нельзя жить прошлым!

Он отвечал:

Нельзя вычёркивать прошлое только потому, что оно неудобное.

Я писал:

Нужно научиться прощать.

Он выводил буквы так сильно, что рвал страницы:

Прощение – это слово, которым слабым заставляют снова открыть дверь.

Я не знал, кто из нас прав. Иногда мне казалось, что Егор – болезнь. Иногда – единственная часть меня, которая не позволила окончательно превратиться в отца.

Но чем старше я становился, тем труднее было разделять нас. Я уже не всегда мог понять, где заканчивается моя злость и начинается его. Где моя мысль, а где его желание. Где мой голос, а где тот, что когда-то появился в шуме семейного дома.

Мы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.